

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТРАДИЦИЯХ РУССКОЙ МЕТАФИЗИКИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ

Важной составляющей проблемы традиционных ценностей является вопрос об актуализации традиции отечественной науки, некоторые корни которой уходят в период русского средневековья.

Славянская философская культура, по мнению М. Н. Громова, с самого начала шла не по линии рафинированного выделения в виде схоластики, но по пути органического развития во всем контексте культуры. «Она стала конституироваться не методом Аристотеля в виде формально-логической схематизации знания, но методом Платона, давшим непревзойденный синтез “живого слова” и глубокой мысли»¹. Мудрость являлась не отстраненной от жизни абстрактной наукой, но практическим жизнестроительным учением, живым человеческим диалогом, нравственным примером². Знаковой фигурой был Сергей Радонежский, который, как отмечает М. Н. Громов, не писал трактатов о трудовом воспитании, но постоянно трудился сам. Не писал Сергей и трактатов по эстетике, но начавший создаваться при нем ансамбль монастыря сосредоточил лучшие творения зодчества, живописи, прикладного искусства.

Спустя столетия, когда отечественная мыслительная традиция существовала в давно оформленных корпоративных институциональных рамках, метод Платона в научном дискурсе не истлел, пробиваясь сквозь сумеречное бытие. В эссе «Русский метафизик», посвященном особому дару блестящего искусствоведа Сергея Кускова, нашего современника, Игорь Терехов пишет: «Сергей был мыслителем, но мыслителем не европейского типа. Философия в России не дала результатов мирового, космополитического уровня, а вот мыслители были замечательные. Это, так сказать, “русское мышление” в корне отличается от европейского, оно всегда осязаемо, образно и слитно с субъектом мышления, персонифицировано»³. И далее: «Можно по-разному объяснить возникновение нашей традиции, искать её происхождение в разнообразных этнокультурных событиях, но результат таков, что интеллектуальная, духовная жизнь в России всегда связана с созданием целостной картины бытия, с визуализацией, казалось бы, отвлечённых понятий»⁴. Объясняя мотивацию интереса Кускова к искусству, Игорь Терехов отмечал, что она связана с особым традиционализмом, понимаемым как намерение, воля к обретению онтологических корней и возвращению к подлинному бытию, в котором ценность подлинного произведения искусства определялась сакральным ритуалом, именно в нем оно находило свое изначальное применение.

¹ Громов М.Н. Своеобразие древнерусской философской мысли // М.Н.Громов, В.В.Мильков. Идеиные течения древнерусской мысли. СПб.: РХГИ, 2001, с 39-40

² Громов М.Н. ... с. 37

³ Терехов И. Русский метафизик. URL: <http://www.art-critic-kuskov.com/tere.html> (дата обращения 03.05.25)

⁴ Терехов И. Там же

Этот метод лишен спекулятивной перегруженности именно вследствие прорыва к онтологии, а носители его непротиворечиво сочетали огромную эрудицию с генетической близостью к тем поколениям своих предков, у которых философия была в руках, – в буквальном смысле в ладонях рук, в ремесле, творящем вещи. О смыкании сферы вещей и сферы представлений, умозрительной и вещественной, в отечественной историографии писал еще М. М. Покровский⁵. В дальнейшем это направление было продолжено такими крупными работами, как книга Трубачева О. Н. «Ремесленная терминология в славянских языках. Опыт групповой реконструкции»⁶. Автор предисловия к книге выдающегося французского лингвиста Эмиля Бенвениста, академик Ю. С. Степанов отмечал, что «основная философская терминология во всех индоевропейских языках Европы восходит к терминам *обработки дерева* (*материя*, ср. лат. *materies* и *materia*), *гончарного производства* (ср. гр. ‘материя’, букв. и первоначально ‘глина’) и *прядения и ткачества* (ср. русск. *основа*) (именно эти три сферы рассматривались в их взаимодействиях в книге О. Н. Трубачева), <...> реконструкция ремесленной терминологии, важная и сама по себе для истории материальной культуры, составляет к тому же необходимый фундамент для некоторых (не всех) сфер культуры духовной»⁷.

Особо следует отметить прядение и ткачество. Этими домашними ремеслами владела каждая семья. Само слово *веретено* является однокоренным с древнерусским *веремя* (время) и означает «то, что вертится», «вечная вертушка»⁸. А понятие пространства связано с идеей растягивания, расширения, вытягивания. Как считает В.Н. Топоров, «“праслав. *плести 'плести' (ст.-слав. плести, русск. плести и т. п.) должно быть причислено к этому ряду — плести как расширять, распространять пространство ткани (ср. русск. волокно и др. от волочить, влечь <*velk-1 *volk- как определенного вида движения в расширяющемся пространстве)»⁹.

Для мифопоэтического сознания пространство принципиально отлично и от бесструктурного и бескачественного геометрического пространства, доступного лишь измерениям, и от реального пространства естествоиспытателя. В мифопоэтической картине мира пространство не противопоставлено времени, они образуют единый пространственно-временной континуум или хронотоп¹⁰. Оно совмещает в себе физическую структуру пространства-времени и жизнь, основу для проявления человека¹¹. Прорыв к жизни, который воплощается в последовательности творческих актов, в восходящей траектории развития-

⁵ Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1959

⁶ Степанов Ю.С. «Слова», «понятия», «вещи». К новому синтезу в науке и культуре // Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов... с. 12

⁷ Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. Опыт групповой реконструкции. М.: Наука, 1966

⁸ Савельева Л.В. Языковая экология: Русское слово в культурно-историческом освещении. Петрозаводск, 1997, с. 76

⁹ Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 2 М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010, с. 302

¹⁰ Топоров В.Н. ... с. 322

¹¹ Топоров В.Н. ... с. 322

расширения пространства, обители всего рождающегося, основная атрибутивная характеристика пространства традиционной культуры.

В этом отношении к жизни, полной доверия и огромной любви, мифопоэтическая традиция близка романтическому социализму. Это особое отношение к жизни предельно ясно отражено в словах отца писателя Луи Повеля, портного, принадлежащего к поколению социалистов-романтиков. Приемный отец Луи Повеля писал: «Даже эпоха тирании достойна уважения, потому что она является произведением не людей, а человечества, стало быть, имеет творческую природу, которая может быть суровой, но никогда не бывает абсурдной. Если эпоха, в которую мы живем, сурова, мы тем более должны ее любить, пронизывать ее своей любовью до тех пор, пока не сдвинется тяжелая масса материи, скрывающей существующий с ее обратной стороны свет»¹². Его отец никогда не переставал верить в творческую природу человека, пронизывая любовью горестный мир. Как вспоминал его сын, чтобы он ни делал, будучи по четырнадцать часов прикованным к портновскому столу, его лицо сияло тихой радостью. А умирая он сказал сыну: «Не следует слишком рассчитывать на Бога: может быть, Бог рассчитывает на нас»¹³.

Пережившие войну дети крестьян и рабочих, воспитанные на идеях социализма (вне зависимости от того был у них партбилет или нет) способны были, несмотря на все сложности личных судеб и характеров, испытывать радость от пребывания в этом мире, ширящемся, рождающем новое, – и в этом они нас сильнее, нас, допускающих радость в сердце лишь в случае удачи.

И еще о том, что также отдаляет нас от этого поколения. Рейтинговая система и ограниченность коллективных работ системой грантов лишают нас способности думать. Концепту *дума* известный лингвист В. В. Колесов в фундаментальной монографии «Концептуальное поле русского сознания» уделил отдельное внимание. Колесов определяет *думу* как коллективное самопознание в поисках правды. Алогизм этого концепта «проявляется в том, что ни один из участников процесса не кончает мысль: следующий начинает на том месте, где остановился предыдущий. Такова серия *энтимем* – незаконченных суждений с опущенным заключением. Именно так ведутся пресловутые русские разговоры на кухне»¹⁴. Парадоксальность мышления *думы* состоит в том, что «для русской ментальности основным элементом является вовсе не понятие, а образное понятие-символ: одно вместо другого в значении третьего <...>. Отсюда, видимо, непонятность для постороннего, неясность намерений и вообще “двойственность позиции”,стораживающей собеседника другой-чуждой-культуры»¹⁵. И это вовсе не означает изъятость логических процедур – первоначальное понятие формируется аналитически, затем насыщается неоднозначностью символической интерпретации, а затем, как результат коллективного (не индивидуального!) мышления оно возвращается к исходному понятию. Но процесс этот никогда не может быть

¹² Повек Луи, Бержье Жак. Утро магов. Пер. с фр. – К.: “София”, Ltd. 1994, с. 16

¹³ Повек Луи, Бержье Жак. ... с. 17

¹⁴ Колесов В.В. Концептуальное поле русского сознания. СПб.: Изд-во РПГУ им. А.И. Герцена, 2021, с. 210

¹⁵ Колесов В.В. ... с. 210

полностью завершен – возможны дальнейшие развороты в понимании предмета. Объемность коллективного мышления заключается в том, что мысль пульсирует, «и в каждый момент своего развертывания может быть исправлена или опровергнута»¹⁶. В качестве иллюстрации Колесов приводит притчу, которая сначала несколько озадачивает грубоватой простотой, но потом в полной мере начинаешь понимать, насколько хорошо она иллюстрирует эту пульсацию мысли. Приведу ее полностью:

«Жил старик с сыновьями, и была у них корова. Однажды проснулись - нет коровы! “Какие-то уроды украли корову”, - сказал отец; “Уроды – значит мелкие”, - сказал старший сын; “Мелкие – значит из Малиновки”, добавил средний; “Это Васька косой!” - закончил младший.

Пошли в Малиновку, потрясли Ваську – не признается! Повели его к мировому судье. Выслушал судья братьев, решил их проверить: «Вот коробка – что в ней?»

«Коробка квадратная», - сказал отец; «Значит в ней круглое», сказал старший сын; «Значит, это желтое», добавил средний; «Там апельсин», - сказал младший.

Открыли коробку – апельсин! И сказал судья: «Васька, отдай им корову!»¹⁷

В науке, как и в жизни, все непостоянно, возможно, корову украли вовсе и не мелкие уроды из Малиновки, а бедному Ваське придется купить корову, чтобы отдать. Важен сам способ движения мысли, потребность в коллективном думании, а заблуждение всегда недалеко от истины, важно, что понятое легко может быть опровергнуто. Вот этого разворота друг к другу сейчас так нам не хватает. А готовность к развороту, к диалогу готовит нас и к особому разговору с источником. Реализация бахтинского диалога возможна при соблюдении определенных ментальных процедур, предполагающих самые неожиданные включения самых неожиданных других в процесс диалога и обсуждения.

В существующих условиях социологии научной деятельности подобная мыслительная процедура стала непозволительной роскошью. Стоит задуматься о том, почему в условиях бесконечно расширяющегося свободного доступа к информации в наше время не появилось заметного количества крупных создавших научные школы фигур в области гуманитарных наук. Эрозия академической среды, утрата культуры дискуссий делает нас слабее и бесцветнее в результатах.

Но было бы величайшей несправедливостью по отношению к людям, так много вложившим в наше образование, утверждать, что их усилия оказались полностью бесплодными. Мне представляется, что главное, что не растеряло наше поколение, родившееся в 50-60-е годы XX века — это то, что оно не потеряло способности к ориентации, как это случилось с вороной, попавшей в густой туман. Луи Повель, которого я уже цитировала выше, приводит рассказ

¹⁶ Колесов В.В. ... с. 209

¹⁷ Колесов В.В. ... с. 208

американского антрополога Лорен Эйели о пересечении границ мира людей и птиц на примере его соседства с вороной:

«Ее мир начинается как раз там, где останавливается мое слабое зрение. Однако как-то утром все было погружено в исключительно густой туман, и я брел к вокзалу ощупью. Неожиданно на высоте моих глаз появились два огромных черных крыла, впереди которых торчал гигантский клюв, – и все произошло молниеносно: ворона издала крик ужаса, такой, подобного которому я никогда больше не желал бы услышать. Этот крик мучил меня всю вторую половину дня. Мне пришлось смотреть в зеркало и спрашивать себя: что же во мне такого возмутительного.

В конце концов, я понял. Граница между нашими двумя мирами соскользнула из-за тумана. Ворона, думавшая, что летит на обычной для себя высоте, вдруг увидела потрясающее зрелище, которое для нее противоречило всем законам природы. Она увидела человека, идущего по воздуху, в самом центре вороньего мира. Она встретила с демонстрацией самой абсолютной странности, какую только может вообразить ворона – увидела летающего человека...

Теперь, заметив меня сверху, она возмущенно каркает, и я узнаю в этих звуках неуверенность ума, мир которого потрясен»¹⁸.

Наверное, единственное что мы, ученики, не разучились делать, так это крепко держаться на своих ветках и не каркать возмущенно в условиях меняющегося мира.

¹⁸ Повель Луи, Бержье Жак. ... с. 29-30